

Результаты изучения уголовных дел показывают, что чаще всего сексуальные посягательства совершаются в отношении падчериц (29 %), реже отчимами (17 %), очень редко в отношениях дед – внук, отец – сын.

Как правило, отцы и отчимы, насилующие собственных детей, не выходят за рамки семейного насилия, являясь слабыми и неуверенными по типу личностями, с паническим чувством страха наказания, но чувствуящие себя тиранами внутри семьи. Жертва привлекает не сексуальностью, а незащищенностью, зависимостью, подчиненностью. При этом существенную роль играют ситуативные факторы, в отличие от личностных отклонений.

Исследование в перспективе личности жертвы преступлений рассматриваемого вида является сложным направлением криминологической науки, обусловленным прежде всего замкнутой психологией поведения жертвы в постпреступный период, нежеланием идти на контакт не только с компетентными органами, но и с близкими родственниками. Вместе с тем выявления причин и условий, связанных с жертвой, являются одним целым, учитывая выявление причин и условий, связанных с личностью преступника. В комплексе новые знания позволяют выработать эффективную национальную систему профилактики преступлений рассматриваемого вида.

Вместе с тем особого внимания со стороны государственных органов требуют вопросы разработки и законодательного регулирования направлений, связанных с реабилитацией и помощью жертвам, пострадавшим от сексуального насилия, с участием международных фондов и организаций; создание в рамках всей Республики Беларусь проекта «зеленых комнат» для несовершеннолетних жертв сексуального насилия с целью защиты их от психотравмирующих ситуаций во время проведения допросов в уголовном процессе (по принципу один допрос за всю процедуру расследования уголовных дел).

Изучение характеристик жертв педофилов является необходимым условием качественной профилактики и предупреждения преступлений против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних также и с точки зрения фактора постпреступного поведения для той значительной группы пострадавших, которых не становится меньше, исходя из статистических данных за 2017–2019 гг. (в 2017 г. сфере противодействия педофилии зафиксировано 533 преступления (326 тяжких и особо тяжких), 2018 г. – 831 преступление (513 тяжких и особо тяжких), за 8 месяцев 2019 г. – 571 преступление (355 тяжких и особо тяжких).

О ДЕТЕРМИНАНТАХ ФОРМИРОВАНИЯ ТЮРЕМНОЙ СУБКУЛЬТУРЫ

Начало XIX в. ознаменовалось стремительным развитием законодательства в сфере тюремного заключения и, как следствие, практики его применения, о чем свидетельствует принятие ряда прогрессивных для того времени законов, направленных на лечение арестантов, обеспечение их продовольствием, регламентацию внутренней жизни и т. п. Например, Свод учреждений и уставов о содержащихся под стражею 1832 г., в соответствии с которым в системе учреждений уголовно-исполнительной системы (УИС) были выделены места содержания под стражей, определены их виды, а также установлены общие единые требования для них на всей территории Российской империи относительно организации и обустройства. Кроме того, в указанном нормативном правовом акте впервые были комплексно урегулированы вопросы исполнения и отбывания наказаний, продовольственного, вещевого и медицинского обеспечения, закреплена цель нравственного исправления осужденных, определены порядок организации их трудовой деятельности, меры поощрения и взыскания, предупреждения побегов. Анализируя состояние отечественной УИС того времени, можно констатировать, что принятие указанного нормативного правового акта, по сути, явилось отправной точкой развития на территории Беларуси системы исправительных учреждений.

Во многом прогрессивный и гуманный характер такого рода нормативных правовых актов был связан с деятельностью таких известных ученых-правоведов, как А.Ф. Кистяковский, С.В. Познышев, Н.С. Таганцев, И.Я. Фойницкий и др.

Однако вопреки ожиданиям, направленным на улучшение положения осужденных и формирование единых подходов к исполнению данного вида наказания, условия отбывания тюремного заключения не подвергались существенным изменениям и оставались крайне неблагоприятными на протяжении всего XIX в. Переполненность тюрем, их низкое финансирование приводили к плохому материально-бытовому обеспечению лиц, отбывавших наказания, а отсутствие необходимого медицинского обслуживания провоцировали высокую смертность и частые вспышки инфекционных заболеваний (например, холеры и тифа). Даже столь серьезная мера, направленная на улучшение положения узников, как организация Попечительного о тюрьмах общества, не привела к существенному изменению ситуации.

Перепополненность учреждений УИС проявлялась в превышении установленного лимита в несколько раз. Так, в одной камере могло содержаться до 200 осужденных, причем в их внутрикамерную жизнь надзиратели практически не вмешивались. Такая ситуация в тюрьмах, по мнению известного советского исследователя М.Н. Гернета, обусловила отсутствие в них «элементарного правопорядка».

В целом, опираясь на труды М.Н. Гернета, можно дать следующую характеристику учреждениям УИС в XIX в.:

превращение тюрем в своеобразные монетные дворы, где чеканились и изготавливались фальшивые монеты и ассигнации различной ценности;

беспрепятственные передвижения арестантов по корпусам;

самовольное оборудование камер;

превращение надзирателей в прислугу;

повсеместная распространенность запрещенных предметов, таких как ножи, водка, игральные карты, денежные средства и т. п., которые надзиратели даже не пытались изымать у осужденных.

Вопросам продовольственного обеспечения осужденных и санитарного состояния камер должного внимания также не уделялось. Отсутствие еды, грязь, пыль, ужасный запах во всей тюрьме приводили к истощению осужденных и частым всплескам инфекционных заболеваний, в связи с чем ежегодный среднестатистический показатель смертности среди осужденных, содержащихся в тюрьмах, составлял примерно 30 %. По этой причине тюремное заключение XIX в. часто сравнивают со смертным приговором для осужденных.

Немаловажным фактором, влиявшим на криминализацию мест содержания под стражей, являлось и отсутствие на тюремной службе профессиональных работников. Так, практически все функции по охране и надзору за осужденными, как отмечал А.В. Шарков, осуществлялись лицами, не приспособленными к иной службе (например, инвалидными командами). Данное обстоятельство, наряду с отсутствием необходимого контроля над их работой со стороны надзорных и инспекторских служб, привело к тому, что обращение с осужденными в основном было направлено на унижение человеческого достоинства и подавление потребностей.

На наш взгляд, описанная обстановка, связанная с процветающей вседозволенностью в тюрьмах того времени, отсутствием необходимого контроля над поведением осужденных, главным образом и обусловила выделение в среде осужденных сословия профессиональных преступников, быстро захвативших власть и установивших свои порядки в таких учреждениях. При этом их влияние в «арестантской среде»

стало определяющим, в связи с чем поступающие от них указания нередко стали иметь даже большее значение, чем указания официальных властей. Данные обстоятельства сыграли главную роль в появлении и становлении, а также широком распространении в учреждениях УИС «тюремной субкультуры», представляющей совокупность неформальных норм и традиций, которые оказывают влияние на поведение осужденных вплоть до настоящего времени.

УДК 343.4

Т.Г. Терещенко

О ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

Противодействие коррупции в нашем государстве остается актуальным направлением деятельности с учетом количественных и качественных показателей, динамики преступлений данного вида. Система мер предупреждения преступности основывается на мерах общей, специальной и индивидуальной профилактики. Одним из перспективных направлений превентивной политики в этом направлении выступает развитие антикоррупционного законодательства.

Так, научным сообществом, обсуждается возможность унификации признаков коррупционного преступления. Данное предложение носит дискуссионный характер, поскольку перечень коррупционных деяний однозначно определяется нормами международного права, в частности, гл. III «Криминализация и правоохранительная деятельность» Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции. Вместе с тем не исключается возможность создания универсального коррупционного состава преступления, включающего в себя такие объективные признаки, как «злоупотребление властью», «превышение властных полномочий», «бездействие власти» и т. п. В этой связи отдельные рекомендации содержатся в Международной классификации преступлений для статистических целей (координировалась Группой исследований и анализа тенденций (ГИА), Отделом анализа политики и связей с общественностью (ОАП) УНП ООН).

Возникают вопросы и при квалификации общественно опасных коррупционных посягательств с учетом отдельных признаков, таких как «существенный вред», «иные тяжкие последствия», «карьеризм», «протекционизм» и т. п.